

драматизувати, а отримувати від цього задоволення, розділяючи його з читачем. Самотність – не вирок, а можливість вільно керувати своєю життям. Тому в фіналі – більше ніякої антропології для Емми: «*She could write a novel and even, as she was beginning to realise, embark on a love affair which need not necessarily be an unhappy one*» («Вона може написати роман або навіть, як їй уже почало здаватися, почати роман, причому, необов'язково нещасливий»).

Антропологія і письменники, лікарі і священики, старі дівки і жінки, лондонська академічна середовище і англійська деревня – герої романів Барбари Пім могли б представити широку

панораму життя Англії від післявоєнних до кінця 60-х років минулого століття. Однак, хронологічно збігаючі з прозою американських битників, французьких «новоманістів» і розквітом соціалізму, її камерні романи актуалізують самотність героя не як маргінальність, а як ідентичність, не як «ловушку долі», а як свідомий вибір, не як екзистенціальне «преодолення», а як гуманістичне «прийняття».

«Людина самотній не може», – сказав класик ХХ століття. У Барбари Пім і може, і повинен, адже вільно обраною самотність – це і є та сама лінза, яка дозволяє рельєфно побачити оточуючий світ і своє в ньому місце.

Література

1. Гєнієва Е.Ю. Хто жє вона, Барбара Пім?/ Е.Ю. Гєнієва// Б. Пім. Нескілько зелєних лїстєв / Пер. Н. Емєльєннїковї і Е. Осєнєвї. – М.: Художєствєнна лїтература, 1987. – С. 3–21.
2. Кант І. Антропологія з прагматїчєскої тїчки зрєннєя / І. Кант. – Сочїнєннєя в 6 тт. – М.: Мєслє, 1966 (Фїлософськє наслєдїє). – Т.6. – 1966. – С. 349–587.
3. Тїупа В. І. Категорїя їнтрїги в сєвєрєннї нарратологїї / В. І. Тїупа// Пїтєннєя лїтературознавствє : науковї збїрник / гол. ред. О. В. Червїнськє. – Чернївцї : Чернївєцькїй нац. ун-т, 2013. – Вїп. 87. – С.64–74.
4. Bayley J. Where, Exactly, Is the Pym World?/ John Bayley// Salwak D. The Life and Work of Barbara Pym. – Springer, 1987. – P. 50–57.
5. Byatt A. S. Marginal Lives: Review of Barbara Pym “An Academic Question” and Robert Emmet Long “Barbara Pym” / A. S. Byatt. – The Times Literary Supplement, Aug. 8, 1986. – P. 862.
6. Daiches D., Stallworthy J. Introduction to the Twentieth Century / D. Daiches, J. Stallworthy // The Norton Anthology of English Literature. – N. Y.- Lnd.: W.W.Norton & Co., 1993. – 1178 p.
7. McCall Smith A. Barbara Pym’s “Excellent Women”: “One of the 20th century’s most amusing novels” [Електронний ресурс] / Alexander McCall Smith. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com › Arts › Books › Fiction> (10.11.2016).
8. McGuirk C. Drabble to Carter: Fiction by Women, 1962–1992 / Carol McGuirk // The Columbia History of the British Novel: John Richetti (Ed.). – N. Y.: Columbia UP, 1994. – P. 939–960.
9. Herbert G. Hope [Електронний ресурс] / George Herbert. – Режим доступа: <https://www.ccel.org/h/herbert/temple/Hope.html> (10.11.2016).
10. Pym B. A Few Green Leaves [Електронний ресурс] / Barbara Pym. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/235736687/Barbara-Pym-A-Few-Green-Leaves-Plume> (10.11.2016).
11. Shapiro L. Pride and Perseverance [Електронний ресурс] / Laura Shapiro – The New York Times. – June 21. – 2013. – Режим доступа: www.nytimes.com/2013/06/ (10.11.2016).
12. Updike J. Lem and Pym/ John Updike. – The New Yorker, Febr. 26, 1979.

УДК 82.09+161.1

Ялинь Лі

Луганський національний університет імені Тараса Шевченка (з. Старобільськ)

Творчість Н. С. Гумільова в рецепції Г. В. Адамовича на сторінках парижського «Звена»

Ялинь Лі. Творчість М. С. Гумільова в рецепції Г. В. Адамовича на сторінках парижського «Звена». Рецепція Адамовичем творчості Гумільова має глибоко особистісний характер, обумовлений дружбою між ними та прагненням критика розвінчати негативні міфи про нього, представити справжнього поета-акмеїста, якого знали люди з близького йому оточення. Ще однією особливістю критичних статей Адамовича, в яких згадується ім'я Гумільова, можна назвати ставлення до поезії вчителя як до еталону, який сприяє розумінню міри таланту автора. Така позиція обумовлена близькістю їхніх поглядів на поетичну творчість, про це свідчать як літературно-критичні статті Адамовича, так і вся його творчість.
Ключові слова: ліричний герой, критика, оцінка, поезія, стаття, рецепція, творчість.

Ялинь Ли. Творчество Н. С. Гумилёва в рецепции Г. В. Адамовича на страницах парижского «Звена». Рецепция Адамовичем творчества Гумилёва носит глубоко личный характер, обусловленный дружбой между ними и стремлением критика развенчать отрицательные мифы о нем, представить подлинного поэта-акмеиста, которого знали люди из близкого ему окружения. Еще одной особенностью критических статей Адамовича, в которых упоминается имя Гумилёва, можно назвать отношение к поэзии учителя как к эталону, который способствует пониманию степени таланта рассматриваемого автора. Такая позиция обусловлена близостью к гумилёвскому взглядов критика на поэтическое творчество, об этом свидетельствуют и литературно-критические статьи Адамовича и все его творчество.

Ключевые слова: лирический герой, критика, оценка, поэзия статья, рецепция, творчество.

Li Yalin. Gumilev's Creativity in the Reception of G. Adamovich at the pages of Paris "Zveno".

Adamovich's reception of creativity has deeply personal character, due to the friendship between them and the desire of critics to debunk the negative criticism about him and to represent the, imagine of a true poet, who was known by the people from his close entourage. Another feature of critical articles by Adamovich that mentioned the name of Gumilev, can be called the teacher's attitude to poetry as standard, which facilitates understanding of the degree of consideration of the author's talent. This position is due to the proximity of the views of the critic and poet on poetry, on this evidence, literary and critical articles of Adamovich and his other works.

Tags: lyrical hero, criticism, evaluation, poetry article, reception, creativity.

Сегодня не теряет своей актуальности интерес к литературе русского зарубежья, начатый в конце восьмидесятых годах XX столетия. Не смотря на большое количество научных работ, посвященных тем или иным авторам, проблемам этого явления русской литературы, многое все еще остается не до конца изученным. В том числе и литературно-критическая деятельность Г. Адамовича. Творчество Г. Адамовича рассматривается, главным образом, в рамках его поэзии и художественной прозы (в этой области наиболее значительными считаем работы О. Коростелева), но литературно-критическая деятельность автора, к сожалению, остается на периферии исследовательских интересов. Вместе с тем Г. Адамовича современники называли «первым критиком русского зарубежья». В литературно-критических статьях он обращался к творчеству различных русских и западноевропейских авторов. Особое место в его работах принадлежит оценке творчества Н. Гумилёва, которого критик хорошо знал и много лет был с ним дружен. Часто в своих литературно-критических статьях он опирается на точку зрения поэта-акмеиста, который никогда для него не переставал быть авторитетом. Все это составляет актуальность нашей работы.

Цель статьи: представить основные аспекты рецепции Г. Адамовичем личности и творчества Н. Гумилёва. Реализация цели статьи предполагает анализ близости творческого мира писателя и критика, исследование основных составляющих специфики восприятия Г. Адамовичем творчества своего учителя.

Г. Адамович был одним из учеников Н. Гумилёва, а после его расстрела стал ведущим критиком третьего Цеха поэтов в Петрограде. В обзорной статье «Поэты в Петербурге» (1923) он называет учителя связующим звеном литературной жизни Петербурга начала XX ст.: «Та «работа», которую так задорно и одушевленно вел Гумилёв, оборвалась... Смерть его лишила петербургских поэтов связи» [1:17]. Критик отмечает, что у Н. Гумилёва «было множество учеников в узком

смысле слова», которых влекла его «большая жизненная сила, какая-то веселость и вера в свое счастье и удачу» [1:18]. Адамович, бывший и сам гумилёвским учеником, развенчивает миф о самоуверенности учителя, подчеркивая, что «его пресловутая самоуверенность едва ли была вполне непоколебимой. Многие смущало его. Но он хотел быть учителем и знал, что учитель не может, без ущерба для себя, делиться с теми, кто его окружает, своими сомнениями и колебаниями» [1:17]. Эта деталь свидетельствует о стремлении ученика представить учителя «настоящим», лишенным многочисленных мемуарных штампов, в которых поэт-акмеист предстает самоуверенным снобом. Как правило, эти шаблоны присутствуют в воспоминаниях людей либо поверхностно знавших Н. Гумилёва, либо у авторов, обиженных его низкой оценкой их творчества. Для учеников Н. Гумилёва, составивших цвет литературы русского зарубежья первой волны эмиграции, было принципиально важным увековечить память об учителе, издать собрания сочинений, популяризировать его творчество.

Через год после первой статьи, в которой критик только фрагментарно создает образ Гумилёва-учителя, в «Литературных заметках» (1924) Г. Адамович подробно пишет о наставничестве поэта-акмеиста. Заметка строится как контр-аргументация всем, кто насмешливо упрекал Гумилёва в работе с молодыми студистами «Звучащей раковины». Г. Адамович подчеркивает, что все молодые поэты, окружавшие Гумилёва были учениками «в самом точном смысле слова» и все, кто слышал их стихи, считали, что они – «типичные эпигоны, без всяких «надежд впереди», аккуратные и посредственные работники» [1:48]. Противники Н. Гумилёва «с ехидством говорили, что он и его поэтика не способны создать ничего живого» [1:48]. В ответ на это, будто заступаясь за репутацию учителя, Г. Адамович говорит: «Подлинных дарований никогда и нигде не бывает больше, чем несколько на целое поколение. Если поэт создает школу и все его ученики кажутся

даровитими, живыми, обещающими, то такому поэту грош цена: он втирает очки в глаза, он обманщик. Он учит приемам, которые лишь скрывают сущность искусства. Оперирующий такими приемами стихотворцев легко может не только обольстить, но и обольщаться» [1:48]. Настоящий поэт видит смысл в отказе от художественных излишеств, «от всяких побрякушек искусства... от удивительных рифм, от неожиданных образов и прочая, и прочая» [1:48].

Главная заслуга Н. Гумилёва заключалась в том, что он учил молодых авторов простоте, он «внушал им, что поэзию нельзя ни украшать, ни принаряживать. Конечно, из двадцати его студентов девятнадцать наверно не были поэтами. Окажись среди них хоть один поэт, и то было бы большой удачей. Если бы Г. Гумилёв, посвятив их в тайны современной поэтической кухни, рекомендовал их вниманию все ее рецепты, критика вероятно была бы в восторге: какая смелость, какая новизна горизонтов! Но он убедил их не быть фальшивомонетчиками и они его послушались. Это лишний «лавр» Н. Гумилёва» [1:49]. В этих словах Г. Адамович передает не только акмеистичность мировоззрения Н. Гумилёва, он подчеркивает, что и сам разделяет точку зрения учителя. «Не быть фальшивомонетчиком» – этот тезис, вероятно, сформулирован из гумилёвского манифеста «Наследие символизма и акмеизм», в котором четко определено главное, в чем расходятся акмеисты с преемственниками-символистами: «Акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню» [3: 17].

Адамович снова возвращается к личности Гумилёва в статье «Гумилёв о Жане Мореасе» (1925). «Меня впервые познакомил со стихами Мореаса покойный Н.С.Гумилёв», – отмечает в самом начале критик, подчеркивая, что «он постоянно перечитывал его стихи, он пробовал переводить их, он много и подолгу говорил о них» [1:116]. И эта мысль становится отправной точкой для создания литературного портрета учителя, в котором просматривается глубокое уважение к его личности: «Гумилёв разбирался в стихах безошибочно, как какой-нибудь Ласкер в шахматах, как Бонапарт в военных диспозициях. Для него не было тайн и препятствий. Он сразу схватывал все стихотворение, он видел его насквозь, все недостатки его, все недостижимые возможности. Ни одного из русских поэтов ... нельзя даже и отдаленно сравнить с ним в этом отношении» [1:116].

Г. Адамович указывает, что литературные круги Петербурга не знали настоящего Гумилёва, они видели перед собой литературного политика, создателя акмеизма: «Гумилёв в статьях или публичных беседах бывал нередко увлечен литературной «стратегией», литературной политикой. Он был «вождем направления». Он

хитрил, он говорил не то, что думал, а то, что ему казалось нужным говорить. Он держался пренебрежительно и самоуверенно. Самоуверенно он нередко высказывал суждения странные, спорные, малоубедительные. Отсюда, вероятно, пошло столь распространенное в петербургских литературных кругах мнение о Гумилёве, как о человеке неумном, – мнение, которое может вызвать лишь улыбку у людей, знавших его близко» [1:116]. Эта двойственность личности поэта-акмеиста была известна только близким к поэту людям, с которыми он был «настоящим». Особенно проникновенно Адамович пишет о том, что «разговор с Гумилёвым над книгой стихов, с глазу на глаз, был величайшим умственным наслаждением, редким пиршеством для ума, и всегда было жаль, что нет около него нового Эккермана» [1:116].

В ряде статей Г. Адамовича прослеживается стремление сопоставить стихотворения рассматриваемых авторов (в первую очередь, молодых) с поэзией Н. Гумилёва, которая в данном случае выступает своеобразным эталоном поэтического таланта. Так в статье о К. Вагинове (1926) Г. Адамович отметил, что, несмотря на то, что Гумилёв относился к творчеству молодого поэта «сочувственно», он «всегда выделял его из числа остальных своих слушателей, как отделяют поэта от ремесленников» [1: 245]. И эти слова сразу подготавливают читателя к восприятию поэзии Вагинова. А в другой статье, говоря о стихотворении Ю. Терапиано «Расстрел», критик отмечает, что произведение «смутно напоминает Гумилёва. В нем есть гумилёвская стройность, крепость, мужественность тона. Это не подражание, это, по-видимому, духовное родство» [1:280]. Несколько лет спустя, анализируя книгу Терапиано «Лучший звук», критик снова указывает на духовное родство поэта с Гумилёвым: «Терапиано нельзя назвать ни учеником, ни последователем Гумилева, но его родство с Гумилевым несомненно. Скажу больше: ни один из ближайших продолжателей Гумилева так его не напоминает, как этот парижский стихотворец» [2:11]. По его мнению, для поэзии Терапиано характерна «гумилёвская бодрость, мужественность, даже характерная гумилёвская простота – не литературная, а внутренняя, умственно-душевная, – критик подчеркивает общность поэтики сопоставляемых авторов. – Как и стихи Н. Гумилева, стихотворения Терапиано живут не отдельными строчками, а только в целом. Отдельных строк не запомнишь, не повторишь. Ни звуковой прелести, ни остроты выражения у него нет, как не было их и у Н. Гумилева. Но в стихотворении всегда сведены концы с концами, и всегда оно что-то выражает» [2:11]. Эти примеры, по-нашему мнению, свидетельствуют о том, что имя Гумилёва в критической оценке Адамовича

служит свидетельством таланта разбираемого автора.

Таким образом, рецепция Г. Адамовичем творчества Н. Гумилёва носит глубоко личный характер, обусловленный дружбой между ними и стремлением критика развенчать отрицательные мифы о нем, представить подлинного поэта-акмеиста, которого знали люди из близкого ему окружения. Еще одной особенностью критических статей Г. Адамовича, в которых упоминается имя Н. Гумилёва, можно назвать отношение к поэзии учителя как к эталону, который способствует пониманию степени таланта рассматриваемого

автора. Такая позиция обусловлена близостью к гумилёвскому взглядов критика на поэтическое творчество, об этом свидетельствуют и литературно-критические статьи Г. Адамовича, и созданная им поэзия «парижской ноты». Перспективы дальнейшего исследования рецепции Адамовичем личности и творчества Н. Гумилёва заключаются в сопоставлении поэтических произведений рассматриваемых авторов, которое позволит увидеть общее и различное в их поэтике, понять традиции, новаторство, и, в конечном итоге, постичь закономерности литературного процесса первой половины XX столетия.

Литература

1. Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга первая («Звено» : 1923–1926) / Георгий Адамович. – СПб : Алетейя, 1998. – 375 с.
2. Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга вторая («Звено» : 1926–1928) / Георгий Адамович. – СПб : Алетейя, 1998. – 302 с.
3. Гумилёв Н. Письма о русской поэзии Сочинения: В 3 т. / Николай Гумилёв. – Т. 3 – М. : Худож. лит. – 430 с.
4. Коростелев О. А «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции / Олег Коростелев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://textarchive.ru/c-2687764-pall.html>